

Глава 8. Прекрасно сыгранная пьеса

Шэнь Сыюань пристально смотрел на слугу, который ползал перед ним на коленях, истощно вымаливая пощаду. В памяти почти стёрлось лицо того, из прошлой жизни, и он не был уверен, тот же это человек или совсем другой.

Парнишка дрожал всем телом, не смея поднять глаз на второго молодого господина. Лицо Сыюаня, утончённое и прекрасное, сейчас искажала холодная усмешка, от которой у слуги подгибались колени. Но стоило вспомнить обещание управляющего — пятьдесят лянов серебра и вольную! — как страх отступал. На такие деньги можно безбедно жить до конца дней. Не нужно больше гнуть спину перед хозяевами, он сам сможет нанять прислугу.

— Это всё мой поганый язык! Не щадите мерзавца, господин! Грешен, кругом грешен!..

Мальчишка твердил это как заведенный. Сыюань с трудом подавлял растущее раздражение, глядя на этот балаган. Бубнит, точно заученную молитву. И ведь ни капли раскаяния в голосе! В глазах плещется животный ужас, но держится так, словно сознательно идёт на плаху. Словно... точно знает, что отделается лишь хорошей поркой.

— Так, значит, это твоих рук дело? — негромко спросил Сыюань. — И что же, я тебя уже поколотил?

От этих слов паренёк на миг замер, прервав свой неистовый земной поклон.

Конечно, никто его не трогал. До сегодняшнего дня Сыюань вообще не подозревал о существовании этого заморыша. В огромной усадьбе он знал по именам лишь единиц: управляющего Хэ да верного Сяо Тана. Ну и личных слуг старшего брата — то ли Дофу, то ли Сифу. От силы десятков человек. И общался он только со своей личной челядью.

Так с какой стати этот ничтожный раб взялся распускать о нём грязные слухи?

Сыюань медленно повёл плечами. Кулаки чесались так, что зубы сводило — до чего же тяжело сдерживать ярость. Надо же, он и забыл, насколько вспыльчивым был в юности. Одно паршивое слово — и кровь вскипала.

Стоявший рядом Сяо Тан уже едва сдерживал гнев. Его так и подмывало отделать этого мерзавца как бога черепаху и вышвырнуть за ворота. Клеветать на господина, распускать сплетни по углам!

Он уже засучил рукава, готовый ринуться в драку, но тут наткнулся на взгляд молодого господина.

Сыюань пугал своим взглядом. В его глазах металась ярость дикого зверя, запертого в тесной

железной клетке — бессильная, но оттого ещё более жуткая.

Сяо Тану показалось, будто раскалённые камни двора под его ногами вмиг превратились в ледяные шипы. Он словно прирос к земле. Весь его пыл испарился, уступив место глухой тревоге. С виду молодой господин казался спокойным, но внутри него явно бушевала буря. Сяо Тан невольно прижал ладонь к груди, пытаясь унять затрепетавшее сердце.

А слуга всё продолжал биться лбом о камни, пока кровь не выступила, смешиваясь с серой пылью. Его истошные вопли разносились по усадьбе, приманивая любопытных. Из-за углов и дверей то и дело высывались чужие физиономии. Никто не уходил, напротив, толпа зевак росла с каждой минутой.

«Кто же это так разгневал второго молодого господина? Ну всё, пропал парень. Какая жалость!» — шептались слуги.

Сыюань стоял неподвижно, наблюдая, как движения паренька становятся всё более вялыми и тяжёлыми. Тот явно выбивался из сил. В такую невыносимую жару долго не продержишься — без всяких побоев дух испутишь.

Как же всё разворачивалось в прошлой жизни?

Тогда слуга так же ползал перед ним, а Сыюань, не выдержав оскорбления, избил его до полусмерти. Когда примчался Шэнь Чжихэ и принялся читать ему нотации, он от ярости набросился на парня снова. Ему казалось несправедливым, что старший брат заступает за лживую тварь, а не за него, родного брата.

Позже появилась госпожа Ли Сянлань. Мачеха уладила дело, на глазах у всех отчитав собственного сына, Чжихэ, и встав на сторону «любимого» пасынка. Сыюань тогда торжествовал — ведь он был прав, справедливость восторжествовала!

А вечером вернулся отец. Шэнь Даосюэ, прослышав о бесчинствах младшего сына, пришёл в бешенство и нещадно выпорол его плетью. Сыюань тогда лежал, истекая кровью, и клялся себе, что найдёт доносчика, как только встанет на ноги...

И пока мачеха причитала над его ранами, сокрушаясь о суровости супруга, по столице незаметно расползлся слух о жестоком и неуправляемом нраве второго молодого господина Шэнь.

— Прекрати! Сыюань, как ты можешь!.. — Громкий, полный благородного негодования окрик вырвал его из воспоминаний.

Ну надо же. Лёгко на помине. Старший брат явился собственной персоной — как всегда, вовремя.

Толпа зевак зашевелилась, вытягивая шеи, чтобы полюбоваться на своего спасителя.

Шэнь Чжихэ подбежал, тяжело дыша, и театрально ахнул при виде распростёртого на земле слуги. Лоб несчастного превратился в кровавое месиво, в раны набилась дорожная грязь и мелкий отсев — зрелище было действительно тошнотворное.

Напустив на себя суровый и праведный вид, Чжихэ повернулся к младшему брату, на лице которого играла безмятежная улыбка:

— Сыюань! Как ты можешь так безжалостно калечить слуг?!

Юноша лишь прищурился, и его усмешка стала ещё глубже.

«И какой же из твоих ясных глаз разглядел, что я приложил к нему руку?»

Сыюань скользнул взглядом мимо брата и заметил у него за спиной управляющего Хэ в окружении свиты. Нет, эта процессия явно явилась сюда не для того, чтобы вершить справедливый суд.

У Сяо Тана от такой наглости глаза чуть на лоб не вылезли. Второй молодой господин и пальцем паршивца не тронул! С какого перепугу старший молодой господин обвиняет его в избиении?

— Братец, о чём это ты? — мягко спросил Сыюань.

Чжихэ посмотрел на окровавленного слугу, затем на спокойное, почти издевательское лицо Сыюаня. В глубине души старшего брата шевельнулось торжество.

«Попался, выродок. Матушкина ловушка сработала безупречно».

Сыюань перевёл взгляд на управляющего. Тот смотрел на раненого слугу, и в его глазах на мгновение промелькнуло разочарование. Настолько мимолётное, что никто другой бы не заметил. Но Сыюань заметил.

Управляющий словно досадовал... почему этот раб до сих пор жив?

«Как любопытно», — подумал Сыюань.

В прошлой жизни управляющий Хэ всегда казался ему славным малым. Всякий раз, когда Сыюань тайком сбегал из поместья по ночам, этот добродушный, вечно улыбающийся старик лично отпирал ему боковую калитку и закрывал следы.

Тогда глупому мальчишке чудилось, что в этом доме все к нему добры, кроме собственного отца. Мачеха прощала любые шалости, управляющий покрывал отлучки, а старший брат великодушно брал вину на себя. И только отец, Шэнь Даосюэ, вечно глядел на него с презрением и при малейшей провинности брался за розги. Сыюань слишком часто видел этот холодный, разочарованный взгляд. Пару раз отец избивал его так жестоко, что он едва выкарабкался с того света.

Внутри поднялась тёплая волна застарелой злобы. Сыюань медленно потёр подушечки пальцев друг о друга, умирая пламя, готовое вырваться наружу. Разочарование на лице управляющего Хэ он видел впервые. Но ничего, впереди его ждёт ещё немало таких открытий. Скоро он вдоволь налюбуется на вытянутые лица своего заботливого братца и многоуважаемой матушки Ли Сянлань, когда их великие планы полетят к чертям.

А пока Чжихэ продолжал разыгрывать скорбь. Выходило на редкость убедительно. Скорбно вздыхая под ошеломлённым взглядом Сяо Тана, молодой барин наклонился и собственноручно приподнял грязного слугу. Когда это изнеженный наследник снисходил до того, чтобы пачкать руки о челядь?

— Управляющий! Живо пошли за лекарем! — зычно скомандовал Чжихэ. — В доме Шэнь ценят каждую жизнь, мы не варвары какие-нибудь. Окажите ему лучшую помощь!

Сяо Тан едва сдержал смехок. Он отчётливо видел, как пронырливый барин, отвернувшись, брезгливо вытер ладонь о полу своего роскошного халата. Раз уж так противно, зачем вообще разыгрывать благородство?

— Будет исполнено, старший молодой господин! Эх, второй молодой господин, как же вы... — Управляющий Хэ горестно вздохнул, подзывая слуг, чтобы те унесли раненого, и с укором уставился на Сыюаня.

Сыюань, будучи на редкость отзывчивым юношей, решил помочь старику закончить мысль:

— Дядюшка Хэ, к чему эти недомолвки? Что же я такого совершил, по-вашему?

Управляющий замялся, его пальцы судорожно потербели широкий рукав. Он явно не ожидал, что взбалмошный барчук поведёт себя так спокойно. По сценарию тот уже должен был метать громы и молнии, оправдывая свою репутацию безумца.

— Второму молодому господину не мешало бы поучиться сдержанности, — мягко, но с нажимом произнёс Хэ.

Крепкие парни, подхватив окровавленного сообщника под мышки, потащили его прочь. Все вокруг старательно прятали глаза, делая вид, будто до смерти напуганы жестокостью Сыюаня.

Сыюань оскалился в улыбке, блеснув белоснежными зубами.

— Стоять.

— Сыюань... Хватит буяннить! — Чжихэ тут же перерезал его фразу на полуслове и решительно заслонил собой уходящих, будто спасая их от неминуемой расправы.

Младший брат тихо рассмеялся. Он снизу вверх посмотрел на Чжихэ, который был выше его почти на голову. Взгляд Сыюаня, ясный и завораживающий, заставил старшего на миг потерять дар речи — до чего же чертовски красив был этот выродок.

— Братец, а разве я говорил, что бил его?

Чжихэ замялся, в его глазах мелькнуло замешательство.

— Хорошо-хорошо, пусть будет так, будто ты его не трогал. Тебе так спокойнее?

От этого фальшивого, приторно-заботливого тона у Сяо Тана по спине пробежали мурашки. С какой стати старший брат так упорно пытается выставить Сыюаня виноватым?

Сыюань посмотрел на обмякшее тело слуги, которого утаскивали со двора, затем обвёл взглядом притихшую толпу зевак и, наконец, снова уставился на Чжихэ.

— До меня дошли слухи, — неторопливо начал он, — будто я избиваю слуг до полусмерти. Мне стало любопытно, и я решил лично взглянуть на несчастного. Прихожу — а этот малый, едва завидев меня, падает на колени и принимается расшибать себе лоб. Я парень незлобивый, готов был простить его глупость, но тут...

Сыюань сделал шаг вперёд, наклонился к самому уху Чжихэ и, не сводя ледяного взгляда с притворно потерявшего сознание слуги, прошептал:

—...он взял и упал без чувств. Сам. На ровном месте.

Его голос, ещё не до конца окрепший после подростковой ломки, прозвучал вкрадчиво и в то же время жутко.

Чжихэ показалось, будто у самого его уха скользнула холодная чешуя ядовитой змеи.

Сыюань картинно приподнял свои изящные ладони — чистые, без единого пятнышка грязи или крови. Затем плавно повернулся, демонстрируя безупречно чистый белый халат без единой складочки.

Сяо Тан тут же сообразил, к чему клонит хозяин, и выпрямился во весь рост, преданно заглядывая в ошарашенные глаза Чжихэ. «Какое счастье, что перед выходом во двор мы переоделись в чистое! Иначе вовек бы не отмылись от этой клеветы».

— Но как же... — Чжихэ только теперь заметил, что его младший брат выглядит безупречно: белоснежные одежды, волосок к волоску, лицо спокойное и умиротворённое. Ни единого признака недавней вспышки гнева.

Зато сам Чжихэ, несясь сюда сломя голову, успел взмокнуть, халат его перекосялся, а по вискам катился пот. Он растерянно зыркнул на управляющего Хэ. Игры пошли не по сценарию.

— Дядюшка Хэ, — Сьюань повернулся к управляющему, щурясь от яркого солнца. — Так как мне следовало совладать со своим нравом? Может, стоило догнать того лжеца и добавить ему хорошенько за то, что портит мою репутацию?

В его голосе сквозила тонкая, едва уловимая издёвка. Пока жив их строгий родитель, какой-то прислужник с фамилией Хэ смеет учить его жизни?

Сьюань обвёл взглядом челядь:

— Ну же, смелее. Что скажете?

Слуги лишь пуще прежнего втянули головы в плечи, не смея пикнуть.

— А ну пошли прочь! Живо выяснить, кто этот бездельник и с чьих слов он тут языком чесал! — рявкнул управляющий Хэ, поспешно отводя глаза.

Этот окрик вернул Чжихэ способность соображать. Наследник мгновенно переменился в лице, нацепив маску радушного и любящего брата:

— Сьюань... Прости дурака, бес попутал! Ошибся старший брат, с кем не бывает? Давай так: сегодня вечером я отведу тебя в одно чудесное местечко в знак примирения. Мир? — Он заговорщически подмигнул. Не оставалось сомнений, что под «чудесным местечком» подразумевалось нечто весьма порочное.

Сьюань изобразил на лице кроткую улыбку, хотя в душе знатно удивился. И это всё? Как легко они сдали назад. Видимо, он переоценил умственные способности этой парочки. Какое такое «чудесное место» приготовил для него Чжихэ? Уж не очередной ли капкан?

Сяо Тан лишь удивлённо хлопал глазами, глядя, как недавние враги в мгновение ока превратились в любящих братьев. Ему даже показалось, что он бредит от жары. До того ненастоящими, приторными казались улыбки обоих господ.

Сыюань великодушно «простил» раскаявшегося Чжихэ и увёл за собой ошарашенного Сяо Тана.

Как только их шаги затихли в глубине сада, управляющий Хэ разогнал остатки челяди. Чжихэ подошёл к валяющемуся на земле слуге. В его глазах больше не было ни капли жалости — лишь глухая, ледяная брезгливость.

— Избавься от него, — бросил он сквозь зубы.

Услышав эти три коротких слова, «упавший в обморок» паренёк мгновенно распахнул глаза и в ужасе забился у ног хозяина:

— Пощадите, старший молодой господин! Смилуйтесь! Я всё сделал как велели!..

— Дядюшка Хэ, что стряслось с этим ублюдком? — Чжихэ брезгливо передёрнул плечами, вспоминая змеиный шёпот у самого уха. Ему вдруг показалось, что младший брат, которого он привык вертеть как ему вздумается, ускользает из-под контроля.

Управляющий тоже хмурился. Дикое поведение второго молодого господина сегодня ломало все привычные шаблоны.

Дождавшись, пока двор окончательно опустеет, старик тихо произнёс:

— Сегодня второй молодой господин изволил разгневаться... и забил несчастного слугу насмерть. Без всякой на то причины.

Если дичь перестаёт подчиняться загонщикам, её нужно пристрелить как можно скорее.

Чжихэ на секунду нахмурился, вглядываясь в лицо старого слуги, но быстро сообразил, к чему тот клонит, и расплылся в довольной улыбке:

— И то правда. Я из последних сил пытался унять разбушевавшегося брата, но его буйный нрав не знает преград. Что ж, выделите семье покойного немного серебра на похороны. Пусть знают нашу щедрость.

Чжихэ прищурился. Кого вообще волнует, как всё было на самом деле? Правда — это то, во что поверит отец.

— Госпоже Ли будет сподручнее уладить это дело, — вкрадчиво подсказал Хэ.

Старший брат согласно кивнул. План выходил безупречным.

— Всё подготовь к нашему возвращению. Сыюань у нас ещё совсем юн, глуп, вот и связался с дурной компанией, увязался в этот притон, в Терем Сотни Ароматов. Я, как заботливый брат, пытался его образумить, удержать от греха, но... увы. Пришлось идти следом, чтобы уберечь от беды.

— Молодой господин, вас же чуть под монастырь не подвели! Неужто мы так это и оставим? — возмущался на ходу Сяо Тан. Будучи простым слугой, он не мог высказать всё старшему господину в лицо, а потому изливал душу хозяину.

Сыюань шёл по раскалённой солнцем тропинке, расслабленно щурясь. На его лице не было ни тени обиды или злости.

— Учись сдерживать порывы, Сяо Тан, — лениво отозвался он. — Как там говорят мудрецы? «Малое нетерпение разрушит великие замыслы».

Спускать это с рук он, разумеется, не собирался. Сегодня была лишь лёгкая разминка, предупредительный выстрел. Но если эти твари посмеют сунуться снова... В глубине его глаз сгустилась непроглядная тьма, предвещающая скорую бурю.

Сяо Тан удивлённо прикусил язык. Ему весь этот день казался сплошной нелепицей. Немного подумав, он заговорщически прошептал:

— Господин, а когда вы велели мне кричать погромче... вы знали, что старший молодой господин уже близко?

Сыюань лишь повёл шеей. Ему казалось, будто от его одежды исходит удушливый, липкий аромат, от которого кружилась голова.

— Как вернёмся, выброси всю курильницу и запасы благовоний из моей спальни.

— Но господин! — Сяо Тан растерянно захлопал глазами. — Это же подарок госпожи Ли! Самый редкий сорт, у старшего молодого господина такого и в помине нет!

Сыюань недовольно поморщился и с силой ущипнул слугу за щёку.

— Вот именно. Собственному родному сыну пожалела, а сыну от наложницы преподнесла на блюдечке столь ценную вещь. Как думаешь, с чего бы такая щедрость?

Щека Сяо Тана оказалась мягкой, Сыюань даже невольно улыбнулся, глядя на корчащегося от шутливой боли слугу. На душе стало чуточку легче.

«Интересно, в какой такой притон потащит меня Чжихэ под предлогом братской любви?»

— Но ведь госпожа Ли такая добрая! — запричитал Сяо Тан, потирая пострадавшую щеку. — Все в усадьбе говорят, что нашему хозяину несказанно повезло с супругой...

Сыюань лишь презрительно фыркнул. Глупость слуги снова начала его раздражать.

— Меньше слушай чужие бредни. Сказано выбросить — значит выбросить. И прихвати те резные безделушки из яшмы, что стоят у меня на полках. Всё до единой — на склад утилизации.

Немного подумав, он добавил:

— И кровать из холодного нефрита тоже унеси туда же. И чтобы близко её в моих покоях не было без моего личного дозволения!

Сначала Сыюань хотел поручить Сяо Тану разузнать, чьих рук дело сегодняшняя подстава, но вовремя передумал. Паренька слишком усердно обрабатывали эти «святые люди», его разум был напрочь затуманен их мнимой добротой. Придётся искать других людей для грязной работы.

Но главное — избавиться от всего, что источает яд. В его покоях не останется ни одной подаренной мачехой вещицы!

Сяо Тан, заметив, как хозяин опасно прищурился, поспешно умолк. Но в душе всё равно недоумевал: если вынести из комнаты всю мебель и украшения, там же и лечь будет негде! Не на голых же досках спать?

Впрочем, спорить он не решился, рассудив, что лучше подождать, пока молодой господин остынет.

«Наверняка срывает злость на вещах матушки из-за того, что старший брат его оболгал», — уныло подумал слуга.